

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-149-163>

ОБРАЗНОЕ ПРОИЗВОДНОЕ СЛОВО КАК СТРУКТУРНО-КОМПАРАТИВНЫЙ ВАРИАНТ УСТОЙЧИВОГО СРАВНЕНИЯ

**Екатерина Васильевна
Огольцева^{1, 2}**

¹ Московский педагогический
государственный университет

² Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет
Москва, Россия, tertiumcomp@mail.ru

Аннотация. Объект анализа – компаративно-производные слова – прилагательные, наречия и глаголы, образованные от имён существительных разных лексико-семантических групп и характеризующиеся семантикой образного сравнения. В качестве языкового материала используются главным образом зоонимы и наименования веществ. Цель статьи – доказать правомерность рассмотрения дериватов типа *змеиный, по-змеиному, змеиться* как структурно-компаративных вариантов устойчивых сравнений. Автор рассматривает разные аспекты структурно-семантической соотносительности синтетических и аналитических единиц, выражающих сравнение. В структуре деривата образное ядро выражено производящей основой, а функцию показателя компаративных отношений выполняет словообразовательный аффикс. Показано, что в русском языке существует целая система компаративных гнезд, объединяющих разноуровневые единицы с общей образной основой: компаративные фразеологизмы (устойчивые сравнения) и производные слова разных частей речи и разных моделей. При этом, если для реализации сравнительной семантики прилагательного необходим минимальный контекст – определяемое слово, то образные значения наречий и глаголов очевидны и без контекста. В статье также рассмотрены факторы, способствующие или, наоборот, препятствующие семантической соотносительности компаративных единиц разных уровней: единство / различие основания сравнения; совпадение / несовпадение объекта образной характеристики; различия в степени идиоматичности и др. Автор статьи приходит к выводу, что 1) наиболее сложное взаимодействие прототипической компаративной структуры и производных слов наблюдается при многозначности устойчивого сравнения и многокомпонентности образного гнезда; 2) адекватное осмысление того или иного языкового образа может быть получено только при условии анализа всей совокупности компаративных структур, с учетом всех структурно-компаративных вариантов.

Ключевые слова: устойчивое сравнение, компаративный фразеологизм, структурно-компаративный вариант, компаративно-производное слово, компаративное гнездо, аналитическая компаративная единица, синтетическая компаративная единица, ассоциативный эксперимент.

Для цитирования: Огольцева Е. В. Образное производное слово как структурно-компаративный вариант устойчивого сравнения // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 149–163. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-149-163>.

Сведения об авторе: Е. В. Огольцева – доцент, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Московский педагогический государственный университет, 119991, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, дом 1, стр. 1; Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 115184, Россия, г. Москва, ул. Новокузнецкая д. 23Б.

© Огольцева Е. В., 2023

Scientific Article
UDC 811.161.1
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-149-163>

FIGURATIVE DERIVED WORD AS A STRUCTURAL-COMPARATIVE VARIANT OF A STABLE COMPARISON

Ekaterina V. Ogoltseva^{1, 2}

¹ Moscow State Pedagogical University

² Saint Tikhon's Orthodox University
for the Humanities

Moscow, Russia, tertiumcomp@mail.ru

Abstract. The object of analysis is comparative-derived words – adjectives, adverbs and verbs formed from nouns of different lexico-semantic groups and characterized by the semantics of figurative comparison. The linguistic material used is mainly zoonyms and names of substances. The purpose of the article is to prove the validity of considering derivatives of such types as the *zmeinyy* (snake), *po-zmeinomu* (snake-like), *zmeit'sya* (to meander like a snake) as structurally comparative variants of stable comparisons. The author considers various aspects of the structural-semantic correlation of synthetic and analytical units expressing comparison. In the derivative structure, the derivational base expresses the figurative nucleus. The word-forming affix performs the function of the comparative relations indicator. The article shows that the Russian language has a whole system of comparative nests that unite different-level units with a common figurative basis: comparative phraseological units (fixed similes) and derived words of different parts of speech and different models. At the same time, if a minimal context - the defined word - is necessary for the actualization of the comparative semantics of an adjective, the figurative meanings of adverbs and verbs are obvious even without a context. The article also considers the factors contributing to or, on the contrary, hindering the semantic correlation of comparative units of different levels: unity / difference of the basis of comparison; coincidence / inconsistency of the object of figurative characteristics; differences in the degree of idiomaticity, etc. The author of the article comes to the conclusion that 1) the most complex interaction between the prototypical comparative structure and derivative words is observed in case of multivaluedness of the stable comparison and multicomponent of the figurative nest; 2) if the whole totality of comparative structures is analyzed, taking into account all structural-comparative variants.

Keywords: fixed simile, comparative phraseology, structural-comparative variant, comparative-derived word, comparative nest, analytical comparative unit, synthetic comparative unit, associative experiment.

For citation: Ogoltseva, EV 2023, 'Figurative Derived Word as a Structural-Comparative Variant of a Stable Comparison', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (15), pp. 149–163, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-149-163> (in Russ.)

Information about the Author: *Ekaterina V. Ogoltseva* – Associate Professor, Doctor of Science (Philology), Professor of the Russian Language Department, Moscow Pedagogical State University, 1/1, Malaya Pirogovskaya Str., Moscow, 119991, Russia; Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities, 23B, Novokuznetsk Str., Moscow, 115184, Russia.

© Ogoltseva E. V., 2023

Введение

Варьирование – один из ярких признаков структуры и семантики компаративных фразеологизмов, или устойчивых сравнений (далее УС): *бегать, носиться, метаться* / как угорелая кошка; *работать, трудиться* / как водовозная [старая, загнанная, измученная, разбитая] кляча; *лазить, прыгать, скакать* / как коза (козочка); *жить* / как король (королева); *вести себя* / как (словно, точно) шут <гороховый>; *красный* / как (словно, точно) из (после бани); *изящный, правильной формы* / как точёный [выточенный]. Как видим, в системе УС проявляются те же типы варьирования, что и в системе русской фразеологии в целом: лексическое, грамматическое и словообразовательное. В структуре сравнительной части (показатель сравнения m + образ сравнения B) возможны также необязательные (факультативные) компоненты. Широкие возможности варьирования в системе устойчивых сравнений связаны с характером их внутренней формы, которая в большинстве случаев как бы «лежит на поверхности», не нуждаясь в специальных этимологических разысканиях. Подобная внутренняя форма может быть присуща и не компаративным фразеологическим единицам. В. И. Зимин в одной из своих работ назвал такую живую, обнажённую внутреннюю форму «синхронной»: «Синхронная внутренняя форма представляет собой <...> 1) «вещно», пространственно представимый образ: *вешать лапшу на уши, поворачиваться спиной* <...>; 2) образ, не вызывающий ассоциации с конкретным представлением, но мыслимый, «умозрительный»: *задавать тон* <...>» [5, с. 544]. Внутренняя форма УС в силу самой специфики компаративного значения почти всегда представляет собой «вещный» образ, вызывающий ассоциацию с конкретным представлением (исключениями являются некоторые компаративные фразеологизмы с образной основой, требующей этимологического комментария: *врать / как сивый мерин; кричать, вопить / как оглашенный* и т. п.).

Охватывая все компоненты логической структуры сравнения (то, что сравнивается, – объект образной характеристики (A); то, с чем осуществляется сравнение, – образ (B); общий признак сравниваемых предметов или явлений (C)), вариативность наглядно свидетельствует о диалектической связи устойчивости и динамичности в системе компаративных фразеологических единиц [14; 16; 17]. Помимо модификаций отдельных компонентов, устойчивые сравнения проявляют совершенно особый тип варьирования, который охватывает всю компаративную структуру в целом, то есть компаративную **модель**.

Некоторые типы подобных структурно-компаративных вариантов были описаны нами ранее, в частности конструкции с формой винительного падежа [13]: **как коломенская верста** (‘длинный, высокий при худобе, худощавости’) – ‘с (в) коломенскую версту – ростом; вырасти, вытянуться’; **как булавочная головка** (‘маленький, мелкий’) – ‘с булавочную головку’; **как гора** (‘огромный, высокий, громоздкий; возвышаться над чем- или кем-либо: о предмете; о животном, человеке’) – ‘с гору – величиной’; **как маковое зёрнышко** ‘маленький, мелкий, крохотный’ – ‘с маковое зёрнышко’. [9] Ср. также: *как капусту – в капусту* (изрубить); *как колокольня – с колокольню* (высокий); *как спичечная коробка (коробок) – со спичечную коробку* (маленький); *как нитка [ниточку] – в нитку (ниточку)* (тоненький); *как (словно, точно) рюмочка [рюмка] – в рюмочку* (о тонкой или сильно перетянутой талии); *как стелька – в стельку* (пьяный); *как телёнок – с телёнка* (ростом) и мн. др. Нетрудно заметить, что во всех подобных случаях основание сравнения остается неизменным, хотя изменяется компаративная конструкция в целом. Перед нами вариант, семантически эквивалентный инварианту, но характеризующийся иным способом выражения сравнительных отношений. В данном случае это предложно-падежная форма существительного, выражающего образ сравнения. Наблюдения над функционированием устойчивых компаративных структур нагляд-

но свидетельствуют о том, что в русском языке, помимо приведённого выше случая, есть целая система структурно-грамматических вариантов: это и «творительный сравнения (*выть волком*), и модель «компаратив + форма родительного падежа существительного» (*мрачнее тучи*), и редупликативная модель «форма именительного падежа + форма творительного падежа» (*змея змеёй*). В рамках нашей статьи мы остановимся подробнее ещё на одном, чрезвычайно широко распространённом случае такого варьирования – производных словах с семантикой образного сравнения.

Предпосылки сопоставительного описания разноуровневых компаративных единиц языка находим в идее гнездового описания фразеологии, впервые высказанной ещё в 60-е годы [1]; в размышлениях дериватологов о необходимости изучения словообразовательных связей слов в процессе метафоризации [3]; в концепции единой системы лексических и фразеологических единиц языка, взаимосвязанных в диахронном аспекте, коррелирующих в структурно-семантическом отношении и взаимодействующих в процессе коммуникации [2].

Дериваты с семантикой образного сравнения до сих пор изучались в словообразовательном аспекте – в русле типологии мотивированности: сравнивались понятия «метафорическая мотивация», «образная мотивация», «ассоциативная мотивация» [7; 20] Некоторая часть производных слов с семантикой образного сравнения нашла отражение в специальных словарях [6].

Большое значение для углубления научных представлений о производном слове-метафоре имели и работы фразеологов, сопоставлявших словесные метафоры и метафоры фразеологические (так называемые фразеологические единства), изучавших факторы, учёт которых необходим при анализе мотивировки метафорического значения слова. В частности, В. И. Зимин отмечает, что «для изучения метафоры важным и существенным являются: значение слова, принадлежность слова к той или иной части речи, не только общекатегориальное значение <...>, но и другие, более частные, семантические категории <...>. Важны категории качества и относительности у прилагательных» [4, с. 31]. Во многих своих работах учёный указывает на первостепенную роль нарицательного имени существительного с предметной семантикой в формировании языковых метафорических значений и на вторичный характер семантических переносов прилагательных, наречий и глаголов.

Анализ словообразовательных метафор, изучение типов семантической деривации, поиск критериев разграничения относительных и качественных прилагательных – все эти направления научного поиска, конечно, учитываются нами при анализе компаративно-производных слов (далее КПС).

Цель настоящей статьи – аргументировать возможность рассмотрения этих слов в границах «компаративного поля» посредством демонстрации их семантической соотносительности с системой устойчивых сравнений русского языка.

Общая характеристика системы компаративно-производных слов

Семантику сравнения могут выражать отсубстантивные прилагательные (*зверский*), наречия (*по-зверски*) и глаголы (*звереть*, *зверствовать*). Именно такие компаративно-производные слова и составляют **объект** нашего анализа.

Примечательно, что в Словаре устойчивых сравнений русского языка [11] зафиксировано лишь 14 подобных производных слов, и это исключительно имена прилагательные (относительные или притяжательные): *как у быка* – *бычья* (об очень большой силе человека); *как василёк* – *васильковые* (о голубых, синих глазах); *как на каторге* – *каторжная* (жизнь – очень тяжёлая); *как каторжник* (*каторжница*) *трудиться* – *каторжный* (труд); *как у лошади* – *лошадные* (о больших, крупных зубах человека); *как у медведя* – *медвежья* (сила); *как обезьяна* – *обезьянья* (ловкость); *как у обезьяны* – *обезьяньи* (о длинных руках); *как у орла* – *орлиный* (нос с горбинкой); *как у осы* – *осиная* (о тонкой талии); *как осёл* (упрямый) – *осли-*

ное (упрямство); как у рака – рачьи (о глазах навывкате); как у собаки – собачье (о тонком обонянии человека; о хорошо развитой интуиции); как у ястреба – ястребиный (о дерзком, хищном взгляде или об остром, загнутом книзу носе человека).

Однако следует подчеркнуть, что основной массив дериватов с семантикой образного сравнения остаётся за рамками специальных словарей; между тем они образуют в русском языке сложную разветвленную систему, которая свидетельствует о богатом образном потенциале русской производной лексики [12; 15].

Приведём некоторые наблюдения, сделанные нами на материале компаративно-производных слов, образованных на базе существительных-зоонимов и коррелирующих с устойчивыми сравнениями.

1. Явление структурно-семантической соотносительности устойчивых сравнений и производных слов носит системный характер. Так, в сфере анималистических образов оно охватывает большую группу существительных. Помимо родового наименования *зверь*, это анимализмы *баран*, *бирюк*, *бык*, *волк*, *голубь*, *гусь*, *ёж*, *ёриш*, *жеребёнок*, *жук*, *журавль*, *заяц*, *бык*, *верблюд*, *вол*, *волк*, *воробей*, *ишак*, *козёл*, *комар*, *кошка*, *лебедь*, *курица*, *лев*, *змея*, *индюк*, *морж*, *орёл*, *паук*, *пиявка*, *тюлень* и проч.

2. Значительная часть компаративно-производных слов, образованных от зоонимов – это притяжательные прилагательные, как правило, с суффиксом *-ий / -ый*: *бараний* – *по-бараньи*; *журавль* – *журавлиный*; *кошка* – *кошачий*. В текстах Национального корпуса русского языка (НКРЯ) можно встретить немало примеров употребления подобных прилагательных в образных значениях, эквивалентных раздельно оформленным компаративным структурам с союзами *как*, *словно*, *точно*, *будто*.

[Шалыпин] сидел у себя в уборной, в руках у него был сорванный им парик, и он яростно чесал его гребешком. «Завиди меня, как барана! – говорил он (В. А. Субботин. Жизнь поэта. Рассказ Андронникова); Среди них двигался Никифор Ляпис, очень молодой человек с **бараньей причёской** и нескромным взглядом (И. Ильф, Е. Петров).

Очевидно, что сравнения «бараний» и «как баран» однофункциональны в коммуникативном отношении: они выражают признак «кудрявый, завитой» и характеризуют причёску человека. В учебных пособиях по морфологии подобные случаи рассматриваются как примеры «окачества» притяжательных прилагательных и квалифицируются как явление семантической деривации, в результате которого происходит метафорический перенос. Этот подход нашёл отражение и в «Русской грамматике» (1980), авторы которой отмечают, что оттенок качественности присутствует во всех относительных прилагательных, хотя и в разной степени: в большей степени развитие качественных значений присуще собственно относительным, притяжательным, порядковым и местоименным прилагательным. В этой группе в свою очередь выделяются притяжательные прилагательные: «Среди притяжательных прилагательных способность приобретать качественное значение отличает прежде всего прилагательные на *-ий*. Прилагательные с этим суффиксом имеют значение ‘свойственный (реже – принадлежащий) тому, кто назван мотивирующим словом’: *рыбий*, *кошачий*, *собачий*, *телячий*, *человечий*. В условиях контекста такие прилагательные легко приобретают качественные значения. В сочетаниях *рыбий темперамент*, *кошачья походка*, *собачья преданность*, *телячьи нежности* относительные прилагательные выступают как качественные <...>» [18, с. 543]. Ни в коей мере не сомневаясь в правомерности такого подхода, который опирается на богатую лингвистическую традицию, мы хотим лишь показать возможность иного, «компаративного», ракурса рассмотрения подобных «качественных» значений, регулярно развивающихся у отсубстантивных имён прилагательных.

3. Значение образного сравнения может быть реализовано в двух и даже в трёх–четырёх прилагательных, образованных по разным словообразовательным моделям. Ср.: «бирюковатый» и «бирючий» от *бирюк*; «быковатый» и «бычий» от *бык*; «ежастый» и «ежистый» от *ёж*; «жуковатый» и «жуковидный» от *жук*; «бычий» и «бычачий» от *бык*; «козловатый» и «козлиный» от *козёл*; «лебяжий» и «лебединый» от *лебедь*; «змеиный», «змейчатый», «змеистый», «змеевидный» от *змея*; «паучий» и «паучинный» от *паук*. Такие прилагательные могут быть фактически абсолютными синонимами (к примеру, *ежастый* и *ежистый*, *жуковидный* и *жуковатый*), а могут различаться семантическими оттенками, связанными со спецификой суффикса, а также объектом образной характеристики. Например, *слоновый* или *слоновий* употребляются в основном по отношению к походке, тяжелой поступи человека, а *слоноватый* – по отношению к неуклюжему, бесформенному, эстетически неприглядному строению. Прилагательное *козлиный* выступает в текстах движений или голоса человека как характеристика его исключительного упрямства, а *козловатый* – почти исключительно признак голоса – тонкого, некрасивого, высокого: *Рябой был косноязычен и с трудом вытаскивал из себя корявые слова, но что-то дразнящее пряталось в его козловатом голосе, и толпа, густо темнея, сдвигалась кругом.* (А. Серафимович. Город в степи). Ср. с употреблением в той же функции устойчивого сравнения: *Песня подходит к концу. Стихает голос за голосом, давая простор Ложкину. И тот легко и задумчиво доводит песню до конца. – А у тебя голос, как у козла. Га! – смеётся Резанчик* (С. Воронин. Две жизни).

4. В пользу нашего тезиса о возможности подхода к подобным прилагательным как к одному из способов языковой реализации образного устойчивого сравнения свидетельствует тот факт, что далеко не всегда появление образного значения можно трактовать как результат «метафорического переноса». Если в семантической структуре прилагательных с суффиксами *-ий* или *-ов(ый)* действительно есть «опора» для переноса – прямое относительное (или притяжательное) значение, то у слов типа *слоноватый*, *звероватый*, *козловатый* или *медвежеватый*, *скотский* или *зверский* такой опоры нет. Они являются образными в своем единственном значении, что наводит на мысль, что образность рождается в таких случаях в результате словообразовательного акта.

Ещё более радикальный случай – имена прилагательные с аффиксоидами *-образный*, *-видный*, *-подобный*: *зверовидный*, *звероподобный*, *зверообразный*, синонимичные дериватам *звериный*, *звероватый* или *зверский* (близость к тому или иному синониму определяется исключительно условиями контекста). По этим продуктивным моделям в силу остаточной семантики корней (*-вид-*, *-образ-*, *-подобн-*) могут быть образованы только слова с компаративным значением: *Здравствуй, чистильщик сапог, болгарин жуковидный на углу Кривоарбатского* (Б. Зайцев. Белый свет); *Сказочными показываются померанцевые, фиговые, оливковые сады <...>, лес каких-то змееподобных деревьев* (И. С. Соколов-Микитов. Сад Черномора). В обоих случаях дериваты с аффиксоидами соотносятся с устойчивыми сравнениями, имеющими близкие значения: *черный*, *черноволосый*, *смуглый* / *как жук* (о человеке) и *извиваться*, *витьяся*, *тянуться* / *как змея* (о предметах).

5. Сравнение-прилагательное зачастую оказывается далеко не единственным дериватом, которое функционирует как своего рода семантический эквивалент устойчивого сравнения. Формируются своего рода образно-компаративные гнезда с вершинами – устойчивыми сравнениями. Именно последние занимают главенствующую позицию в гнезде, поскольку в них эксплицирован показатель компаративных отношений (m – сравнительный союз). Простейшие гнезда трёхчленны: устойчивое сравнение, притяжательное (реже относительное) прилагательное и сравнительно-

уподобительное наречие: как баран – бараний – по-бараньи; как волк – волчий – по-волчьи; как голубь – голубиный – по-голубиному; как гусь – гусиный – по-гусиному; как жеребёнок – жеребячий – по-жеребячьи; как журавль – журавлиный – по-журавлиному:

Длинный корнет Краузе, как журавль, высоко поднимая ноги, тоже ходил, но в другой стороне от Арбузова (М. Арцыбашев. У последней черты); <...> Рыжий шляхтич прошёл важною журавлиной походкой, руки в карманах балахона, опустя рыжие огненные усы чуть не до земли, и скрылся (Г. Данилевский. Воля); Молодой человек в круглой шляпе шёл ровным шагом, выступая немного по-журавлиному, как ходят люди, выработавшие свою походку в кабинете (В. Короленко. Фёдор Бесприютный). Во всех трёх случаях реализуется одно и то же компаративное значение: 'Ходить, шагать, широко переступая длинными ногами. О человеке – мужчине' [11, с. 183].

6. Самые разветвлённые компаративные гнезда включают в свой состав, помимо имён, ещё и глаголы, которые образованы суффиксальным, префиксально-суффиксальным и префиксально-суффиксально-постфиксальным способами. Это модели с... -и(ть)/ся, о-... и(ть)/ся, на... -и(ть)/ся, -и(ть), -е(ть), -и(ть)/ся, -ствовать (ть): *сбычиться, набычиться; озвериться; ишачить; звереть; ершиться; петушиться; змеиться; зверствовать. Подобные глаголы также обнаруживают закономерные связи с системой устойчивых сравнений: Ты вот, всё того, Илья, <...> ершишься, злобишься, ну, напрасно это, по-мое. (А. М. Горький. Трое); Вы оторвались от жизни, от общества, у вас нет к обществу уважения. – Это к какому обществу? – неожиданно для самого себя оцетинился, как ёрш, Амелька и подмигнул своим (В. Шишков. Странники).*

7. От глаголов с компаративным значением образуются причастия и деепричастия, естественным образом «наследующие» это значение: *Пётр, не дожидаясь, когда набычившийся Семён кинется на него, сам выступил вперед и хлестко дал ему в челюсть (В. Шукшин Там, вдали...); С какого-то момента он уже не отрывал от неё взгляда и смотрел мрачно, сбывчивись, чуть ли не зло (А. Битов. Путешествие к другу детства). В этих контекстах реализуется значение «нагнувший (нагнув) голову и смотрящий (глядя) исподлобья, мрачно, недобро, выражая согласие или угрозу» (ср. одно из значений УС-полисеманта как бык) [11, с. 79].*

8. О системном характере словообразовательных моделей, выражающих образное сравнение, свидетельствуют многочисленные случаи реализации потенциальных возможностей языка: в художественных текстах можно встретить немало производных прилагательных, наречий, глаголов, компаративные значения которых не отражены в толковых словарях: *Но теперь на стуле его сидел какой-то лыка не вязавший россиянин. Ещё молодой, толстогубый, одетый с купеческим шиком. А в него уже вклецились агенты тайной охраны и слёзно упрашивали: <...> «Расскажите, что знаете!» (В. Пиккуль. На задворках Российской империи). Значение глагола «вклециться», несомненно, окказиональное, не зафиксированное в лексикографических источниках тем не менее легко «прочитывается» благодаря ассоциативной связи с устойчивым сравнением *вцепиться, впиваться в кого-либо, как клец*: очевидно, что «вклециться» – его абсолютный синоним, принадлежащий, правда, другому уровню языковой системы.*

Другой пример подобной окказиональности – глагол «индючиться»: *И однажды Маринка чисто по-селянски послала его ко всем чертям. Юра долго индючился, ходил по техникуму оскорблённый, независимый. Потом все-таки пришёл с поклоном (И. Ф. Стаднюк. Люди не ангелы). Индивидуально-авторское производ-*

ное слово «индючиться» соотносится с одним из значений УС как *индюк* – «дуться, надуться (надутый); обижаться на кого-либо, иметь сумрачный вид».

Во многих случаях грань между потенциальным и узуальным словообразованием провести затруднительно. Это касается в частности сравнительно-уподобительных наречий, образующихся почти беспрепятственно по модели с приставкой *по-* и суффиксами *-ому/ему*, а также с суффиксами *-ски, -ьи*: *по-женски, по-детски, по-деревенски; по-звериному, по-комариному, по-ослиному; по-человечьи, по-волковыи, по-слоновьи*. Предельно высокой степенью потенциальности характеризуются также упомянутые выше модели с суффиксоидами. В обоих случаях наряду с устойчивыми структурами – вариантами реализации прототипических моделей УС с союзами *как, словно, точно, будто* в художественных текстах широко употребляются и авторские образования. Последние могут быть сопряжены как с расширением круга производящих, которые участвуют в подобных актах компаративного словообразования, так и с заменой признака-основания. Так, в художественных текстах довольно часто можно встретить прилагательное *паукообразный*, однако оно практически никогда не обнаруживает семантической соотносительности с устойчивым сравнением **как паук** ('опутывать, запутывать в свою паутину, тенета, сети кого-либо. Создавать для кого-либо безвыходно зависимое от себя положение') [9, с. 453]; ср.: *паукообразный механизм* (А. и Б. Стругацкие); *паукообразный Сонин почерк* (В. В. Набоков); *паукообразный человек* (С. Н. Сергеев-Ценский) и проч. Если устойчивое сравнение *как паук* является частью идеографического поля «отношения между людьми», выражая зависимость одного человека от другого (других), то компаративно-производное слово *паукообразный* выражает лишь внешнее сходство (образность, однако, базируется на той же ассоциации «расходящиеся в разные стороны лапы паука»).

Обратим внимание на тот факт, что компаративные значения отзоонимных прилагательных, глаголов и наречий строятся, как правило, на вполне реальных, знакомых каждому признаках того или иного животного (птицы, насекомого). Это, как правило, внешние, эмпирически наблюдаемые характеристики – размер, строение тела и форма отдельных его частей, особенности передвижения, звуки, которые издает животное, повадки, поведение, присущее животному в природе. Рассматривая проблему мотивации метафорического значения слова, В. И. Зимин справедливо утверждал: «Чтобы понять метафору, недостаточно знать только соответствующее значение слова, надо знать и предмет, явление, видеть его во всех разнообразных свойствах и отношениях» [4, с. 18]. То же самое, но с ещё большим правом можно сказать и по отношению к образному сравнению.

На основании сделанных нами наблюдений можно утверждать, что компаративное значение (от лат. *comparativus* – *сравнительный*) весьма богато и разнообразно представлено на словообразовательном уровне. Значительная часть устойчивых сравнений находит соответствие в системе предикатной производной лексики (в прилагательных, наречиях, глаголах). В случаях, когда вокруг общей мотивирующей основы – имени существительного – группируются компаративные значения, выраженные устойчивым сравнением и несколькими дериватами, образованными по разным словообразовательным моделям, можно говорить об **«образно-компаративном гнезде»**.

Структурно-семантическая специфика производного слова с семантикой образного сравнения

Компаративно-производное слово характеризуется образностью, поскольку в его семантике имеет место сема уподобления одного предмета (выраженного определяемым существительным) другому (выраженному производящей основой). Как и устойчивые сравнения, такие дериваты индивидуализируют предмет описания, вы-

деляют его в ряду однородных предметов действительности. Для реализации всех логических элементов сравнения производному прилагательному, как правило, необходимо минимальный контекст: слово, подвергающееся образному определению. Так, в словосочетании *золотистые волосы* отражены: предмет сравнения (А), образ сравнения (В), основание сравнения (С). Кроме этих основных элементов, сравнение включает в свой состав особое средство, указывающее на факт компаративных отношений – показатель сравнения (*m*). В структуре производного слова роль такого показателя выполняет суффикс. Образные сравнительные значения наречий и глаголов, как правило, ясны и без контекста; в их структуре оказывается выраженными только главные компоненты сравнения: показатель (*m*) и образ (В).

Устойчивые сравнения представляют собой **аналитические (раздельно-оформленные) компаративные структуры** – они характеризуются устойчивой, то есть воспроизводимой всем языковым коллективом, связью трех обязательных элементов: предмета, образа и основания сравнения: *как мел* 'белый, бледный; побелеть, побледнеть: о человеке (лице человека)' [11, с. 347].

Таким же постоянством связей логических компонентов, закрепленных в коллективном сознании носителей русского языка как родного, характеризуются и **синтетические (цельнооформленные) компаративные единицы** – производные слова с семантикой образного сравнения, или «компаративно-производные слова». В семантической структуре прилагательного *воск-ов-ой* суффикс *-ов* выполняет ту же функцию, что и союз *как* в структуре УС *как воск*: «Компаративно-деривационные семантические отношения есть не что иное, как отношения между элементами образного сравнения, а структура компаративно-производного слова представляет собою лишь особую конструктивную разновидность языкового, то есть образного сравнения» [10, с. 6]. Высказанная фразеологами ещё в конце семидесятых годов XX века, эта идея получила дальнейшее развитие в веке XXI, когда стали появляться первые попытки системного анализа образной деривации.

Как мы уже наблюдали на примере КПС, образованных от зоонимов, слово, обозначающее элемент В устойчивого сравнения, может выступать в качестве производящей базы для нескольких производных, образованных по разным моделям и принадлежащих к разным частям речи. Такие слова вместе с соотносительными устойчивыми сравнениями составляют своего рода компаративные гнёзда, в которых представлены как «аналитические», так и «синтетические» единицы.

Идея о компаративных гнёздах в какой-то мере перекликается с мыслями В. М. Никитевича об изоморфности разноуровневых способов образования номинативных единиц языка: «Номинативная деривация функционально объединяет словообразование с аналитическими и синтетическими способами создания номинативных единиц»: *смельчак – смел – тот, кто смел – смелый* [9, с. 2]. Положение В. М. Никитевича о том, что «словообразование является лишь фасадом здания номинативной деривации» [8, с. 3], вполне актуально и для наших компаративных гнёзд. Например: *волосы* <рыжие, блестяще-желтого отлива> – *волосы как золото*; *золотые* волосы; *золотистые* волосы; *золотистость* волос; *волосы золотятся*; *золотящиеся* [на солнце] волосы; *волосы – золото*; *золотоволосый* и т. п.

Полной аналогии между сопоставляемыми явлениями языковой семантики, конечно, быть не может: целью компаративных единиц является не столько «называние» признака, сколько его «выражение», образная индивидуализация.

Однако интересно здесь именно то, что коммуникативная эквивалентность разноуровневых единиц языка может быть сопряжена не только с единством номинативного (денотативного) значения, но и с единством образа-представления, лежащего в основе номинации.

Закономерности структурно-семантической коррелятивности УС и КПС

Очевидно, что структурно-семантическое соответствие между устойчивыми сравнениями и компаративно-производными словами наблюдается далеко не всегда и не в равной мере. Отношения разноуровневых языковых единиц в корреляции «устойчивое сравнение – компаративно-производное слово» можно назвать взаимодополняющими: несмотря на явную семантическую близость этих единиц, при их функционировании в речи имеет место явление, которое сначала в фонологии, а затем и в семасиологии стали называть «дополнительной дистрибуцией»

Как нам кажется, сопоставительный анализ структурных особенностей и функций аналитических и синтетических компаративных единиц представляет новую и актуальную научную проблему современной лексикологии, словообразования, фразеологии. Покажем некоторые аспекты этой проблемы на материале фразеологических и словообразовательных единиц с общим «образным стержнем» – наименованием вещества (минерала, продукта питания).

Как показало наше исследование, около 60 наименований веществ используются в качестве компонента *B* и системой компаративной фразеологии, и системой образной деривации. При этом около 50 % составляют случаи «мнимой соотносительности», когда фразеологические и словообразовательные единицы, использующие один и тот же образ, не коррелируют между собой в содержательном плане. Рассмотрим некоторые факторы, которые могут препятствовать проявлению семантической соотносительности разноуровневых компаративных единиц.

- Различие основания сравнения. Например, *ртуть* в системе компаративной фразеологии – образ живого, подвижного, исполненного энергии человека:

Юра, по определению своего воспитателя, был «сорвиголова», *живой, как ртуть*, главный коновод шалостей, способный, но ленивый и рассеянный ученик (И. В. Одоевцева. На берегах Сены).

В системе компаративной деривации используется иной, «цветовой» признак: *ртутный* «<...>? 2. Серебристо-белый, цвета ртути». Таким образом, УС служит образной характеристике поведения, темперамента человека, а производное слово выражает внешний, «физический» признак предмета².

- Несовпадение «объектов приложения» синтетического и аналитического сравнения. Этот фактор часто бывает связан с аморфностью основания сравнения в семантической структуре компаративно-производного слова при его определенности в семантике УС. Например, УС как *чугун* в своем первом значении («1. перен. тяжелый, отяжелевший вследствие усталости, болезни») характеризует исключительно тело человека или часть тела (голову, лицо, руки, ноги), а во втором значении («2. темный, черный») – лицо и части тела человека. Компаративное значение прилагательного *чугунный* характеризуется неясным, неопределенным основанием – эврисемичностью («1. <...> //? Похожий на чугун, напоминающий чугун по виду, цвету или по тяжести, твердости») и может сочетаться как с наименованиями конкретных предметов и их совокупностей (*чугунная* мебель / очень тяжелая), так и с соматизмами (*чугунная* рука), с веществами (*чугунная* грязь).

УС как *студень* («дрожать, подрагивать, трястись; зыбкий, рыхлый») употребляется по отношению к человеку, его лицу, телу, щекам. Соотносительное прилагательное *студенистый* («похожий на студень, желе») может характеризовать не только часть тела, но и человека в целом, вещество, отвлеченное явление; сравните в НКРЯ: *студенистый* человек (Д. Рубина), *студенистый* свет (О. Славникова), *студенистый* туман (И. Бояшов), *студенистый* край (А. Битов), *студенистый* Млечный путь (И. Бунин).

В обоих случаях различие в проявлении элемента А – круга предметов, способных выступать в качестве объекта приложения сравнительной характеристики – не создает серьезного препятствия для проявления семантической близости УС и КПС, однако оно делает эту корреляцию относительной, неполной, красноречиво свидетельствуя о специфике двух способов выражения образа в языковой системе.

- Различие в степени идиоматичности. Например, значения УС как *патока* (о сладком напитке), как *резина* (об эластичном, упругом предмете, веществе) и метафор паточные интонации ('чрезмерно ласковые, нежные, слащавые'), *резиновая* резолюция ('допускающая различные толкования'). Очевидно, что семантической соотносительности сопоставляемых единиц препятствуют в этих случаях фразеологизированность актуального образного значения производных слов, их удаление от первоначальной внутренней формы.

С другой стороны, могут быть выявлены условия, способствующие полной (структурно-семантической и функциональной) соотносительности разноуровневых единиц с семантикой образного сравнения. Так, проявления межуровневой синонимии наиболее ярко прослеживаются при однозначности устойчивого сравнения:

- как (словно, точно) *жемчуг* ('блестящие и ровные; блестеть [белизной]: о зубах человека') – *жемчужный* ('блестяще белый: о зубах человека');

- как (словно, точно) *янтарь* ('желтый, прозрачный, чистый; прозрачно-жёлтый: о напитке, жидкости, веществе или предмете) – *янтарный* ('<...> 2. Золотисто-желтый, цвета янтаря');

- как (словно, точно) *атлас* ('гладкий, нежный, эластичный; лосниться, блестеть: преимущественно о теле, коже человека, коже, шерсти животных') – *атласный* / *атласистый* ('перен. гладкий, блестящий, похожий на атлас').

В случае многозначности УС разные его значения могут коррелировать с соответствующими образными значениями производного слова-полисеманта. Например, первое значение УС как *сталь* ('1. твердый, прочный, крепкий: о веществе, материале, предмете') соотносится со вторым, переносным значением прилагательного *стальной* ('<...> 2. Перен. сильный, крепкий: стальные мускулы'), а второе значение ('<...> перен. твердый: духовно сильный, мужественный, непреклонный') – с оттеночным значением того же прилагательного ('2. <...> // стойкий, непоколебимый, непреклонный: стальная воля'). «Репертуар» образных возможностей синтетической компаративной единицы оказывается в данном случае богаче по сравнению с единицей аналитической. Так, прилагательное *стальной*, помимо уже отмеченных, располагает оттеночным компаративным значением «напоминающий сталь, похожий на сталь по цвету», а также оттеночными связанными значениями «твердый, уверенный (о голосе)» и «жесткий, холодный, недружелюбный (о взгляде)».

В других случаях с образным значением компаративно-производного слова соотносится лишь одно из значений УС-полисеманта. Например, УС как *паутина* (*паутинка*) во втором своем значении ('2. Тонкий: о ткани, покрове, слое чего-либо') обнаруживает соотносительность с прилагательным *паутинный* ('<...> 2. такой, как паутина; очень тонкий, прозрачный'). Первое же значение УС (тонкий: о протяженном предмете) не находит «семантического отклика» в системе образной деривации.

Характерной особенностью данной системы образов («вещественные существительные») является их участие в системе компаративной фразеологии в двух ипостасях: в исходном субстантивном проявлении и в качестве мотиватора отсубстантивного прилагательного: как *резина* – как *резиновый*; как *железо* – как *железный*, как *дерево* – как *деревянный*; как *чугун* – как *чугунный*, как *свинец* – как *свинцовый*; как *золото* – как *золотой*. В этих случаях возникают особенно сложные и разнообразные отношения сопоставляемых единиц, прихотливо распределяющих

между собой признаки – основания сравнений на базе одного исходного образа. Например, образ *свинца* используется и в системе компаративной фразеологии, и в системе образной деривации для выражения тяжести предмета или вещества (кулаки тяжелые *как свинец* – *свинцовые* кулаки – *как свинцом налитые* кулаки). Прилагательное *свинцовый*, так же, как и УС с этим компонентом (*как свинцовый*), помимо отмеченного выше, выражает более сложное, фразеологизированное значение: «блезненно-отяжелевший, инертно-неподвижный».

Сложные комбинации всех отмеченных проявлений структурного и структурно-семантического взаимодействия устойчивых сравнений и производных слов образно-компаративной семантики наблюдаются в случаях, когда фактор многозначности УС сочетается с фактором разветвленности и многокомпонентности образного гнезда. Например, богатое значениями устойчивое сравнение *как камень* соотносится с целым образным гнездом дериватов: *каменный*, *каменно*, *каменеть*, *окаменеть*, *закаменеть*, *окаменелый*, *закаменелый*, *окаменело*, *закаменело* и т. д. При этом наблюдается прихотливое распределение семантических связей между значениями УС и КПС. Общими для фразеологических и словообразовательных компаративных единиц являются признаки «твердый, жесткий» / *каменеть* (1), *окаменеть*, *окаменелый* (оттенки при первом значении), *закаменелый*, *закаменеть* (1) и «неподвижный, застывший, безжизненный» / *каменный* (2), *каменеть* (2), *окаменеть* (2), *окаменелый* (2), *закаменеть* (2). Признаки «бесчувственный, равнодушный, безучастный», которые также проявляются в семантической структуре почти всех дериватов данного ОГ, определяют лишь одно из значений другого УС – *как (словно, точно) каменный* («<...> 4. холодный, равнодушный, безучастный: сидеть, стоять безучастно, не реагируя на что-либо»).

В целом система значений УС, базирующихся на образе «камень», оказывается намного богаче по сравнению с системой компаративно-производных слов. Так, не находят семантического соответствия в системе КПС следующие значения УС *как камень*: «<...> 5. молчать, не произносить ни слова; упорно не отвечать на вопросы; быть молчаливым; 6. падать, лететь вниз – быстро, стремительно; 7. идти на дно (ко дну), тонуть, погружаться в воду – стремительно, сразу».

В условиях реального функционирования проявляется тенденция к расширению образного потенциала как синтетических, так и аналитических языковых компаративных структур, что приводит в свою очередь к «приращению» фактов их структурно-семантической соотносительности.

Заключение

Представленный нами фрагмент анализа производных слов с семантикой образного сравнения как структурно-компаративных вариантов УС позволяет сделать ряд выводов.

1. Компаративно-производные слова наряду с «творительным сравнения», конструкциями с формами винительного и родительного падежей могут быть рассмотрены как структурно-компаративные варианты устойчивых сравнений. Дериваты с семантикой образного сравнения образуются по разным словообразовательным моделям; они могут принадлежать к трем частям речи – прилагательным, наречиям, глаголам. Группируясь вокруг инварианта («прототипической структуры» с союзами *как, словно, точно, будто*) они формируют **образно-компаративное гнездо** – совокупность образно-компаративных структур с единым компонентом В (образом сравнения).

2. Взаимодействие разноуровневых (фразеологических и словообразовательных) языковых единиц с семантикой образного сравнения проявляется в двух основных формах: 1) параллельное использование одного и того же образа в УС КПС, характеризующихся разными значениями (**структурная соотносительность**

синтетических и аналитических единиц); 2) «межуровневая синонимия», то есть использование одного и того же образа в коммуникативно эквивалентных единицах разных языковых уровней (**структурно-семантическая соотносительность** синтетических и аналитических единиц).

3. Анализ тех языковых условий, которые препятствуют семантической соотносительности устойчивых сравнений и компаративно-производных слов, позволяет сформулировать (от противного) те условия, которые, наоборот, способствуют проявлению коммуникативной однофункциональности сопоставляемых образных единиц, их полной структурно-семантической соотносительности: 1) однозначность УС; 2) наличие в семантической структуре образного деривата единственного образного значения; 3) компаративный характер образного значения деривата, ясность его внутренней формы; 4) определенность признака-основания в семантической структуре компаративно-производного слова; 5) совпадение «объекта приложения» образной характеристики, выражаемой разноуровневыми компаративными единицами.

4. Констатируя наличие / отсутствие семантической соотносительности сопоставляемых образных единиц языка, мы должны помнить о том, что объектом сопоставления является семантическая структура в целом, во всей сложности значений, их оттенков и отношений между ними. Поэтому естественно, что на отдельных участках одна из сопоставляемых единиц может оказаться в «семантическом одиночестве» (возможны «солирующие» значения устойчивых сравнений, не проявляющиеся у КПС, и наоборот). И, напротив, на некоторых участках этой системы может обнаружиться полная семантическая соотносительность, гармония, «согласие» значений разноуровневых компаративных единиц. Анализ первого фактора дает возможность обогатить список потенциальных значений КПС. Анализ второго расширяет список соотносительных УС и КПС.

Представленные здесь наблюдения подтверждают нашу гипотезу о том, что УС и КПС взаимодополняют друг друга в выполнении общей языковой функции – образного выражения признака. Каждое из этих основных языковых средств выражения компаративной семантики имеет и определенные ограничения, и преимущества, которыми не располагает соответствующая единица другого уровня.

Думается, что этот вывод вполне применим и к другим структурно-компаративным вариантам устойчивых сравнений.

Примечания

1. Устойчивые сравнения русского языка, их варианты, а также толкования их значений извлечены из следующего лексикографического источника: [11].
2. Лексические значения образных дериватов здесь и далее приводятся по источнику: [19].

Список источников и литературы

1. *Архангельский В. Л.* Устойчивые фразы в современном русском языке: Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1964. 315 с.
2. *Балакай А. Г.* Фразеологическая единица как единица лексико-фразеологического гнезда // Фразеология-2000: материалы Всероссийской науч. конф. «Фразеология на рубеже веков: достижения, проблемы, перспективы». Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2000. С. 228–232.
3. *Бродская Б. А.* Метафорические связи слов в словарном гнезде // Актуальные проблемы русского словообразования: материалы республиканской науч. конфер. (12-15 сентября 1972 г.). Самарканд, 1972. С. 276–288.

4. Зимин В. И. О мотивировке метафорических значений слов // Лексико-грамматические записки. М., 1976. С. 12–31.
5. Зимин В. И. Синхронический и диахронический аспекты рассмотрения внутренней формы фразеологизмов русского языка // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты) : междунар. науч.-практ. конф., 17-19 марта 2006 г. М.: Элпис, 2006. С. 543–546.
6. Козинец С. Б. Словарь словообразовательных метафор русского языка. Саратов: Саратовский источник, 2011. 283 с.
7. Лопатин В. В. Метафорическая мотивация в русском словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1975. Вып. 1. С. 53–57.
8. Никитевич В. М. Основы номинативной деривации. Минск: Высшая школа, 1986. 157 с.
9. Никитевич В. М. Словообразование и деривационная грамматика. Ч. 2. Гродно, 1982. 24 с.
10. Огольцев В. М. Модели компаративного словообразования : учебное пособие по спецкурсу. Пермь: Пермский ун-т, 1978. 62 с.
11. Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синоним-антонимический). М.: Русские словари, 2001. 800 с.
12. Огольцева Е. В. Образный потенциал словообразовательной системы современного русского языка: отсубстантивное словообразование : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Огольцева Екатерина Васильевна. М., 2007. 792 с.
13. Огольцева Е. В. Компаративные конструкции с размерно-оценочным значением (*толщиной с палец, величиной с напёрсток*) // Научное наследие Б. Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания : сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф. (к 100-летию со дня рождения Б. Н. Головина). Н. Новгород: ДЕКОМ, 2016. С. 585–591.
14. Огольцева Е. В. Лексическое варьирование в системе устойчивых сравнений // Учёные записки Орловского государственного университета. 2015. № 3 (66). С. 162–168.
15. Огольцева Е. В. Образное значение в системе отсубстантивной деривации (структурно-семантический аспект). М.: ФЛИНТА, 2019. 296 с.
16. Огольцева Е. В. Факультативные компоненты как проявление структурно-семантической динамики устойчивых сравнений // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика : междунар. конф. V Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-т, 12-15 окт. 2014 г.). Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2015. Т. 1. С. 263–266.
17. Огольцева Е. В. Формально-грамматическое варьирование в системе устойчивых сравнений русского языка // Теоретические и методологические проблемы филологии : сб. науч. ст., посвящ. 70-летию д-ра филол. наук, проф. Л. К. Жаналиной. Алматы: КазНПУ им. Абая, 2015. С. 254–262.
18. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 1. 783 с.
19. Словарь русского языка. В 4 т. М.: Русский язык, 1981–1884.
20. Ширшов И. А. Типы словообразовательной мотивированности // Филологические науки. 1995. № 1. С. 41–54.

References

1. Arkhangel'skiy, VL 1964, *Ustoychivyye frazy v sovremennom russkom yazyke: Osnovy teorii ustoychivyykh fraz i problemy obshchey frazeologii* (Set expressions in modern Russian. Fundamentals of the theory of set expressions and problems of general phraseology), Izd-vo Rostovskogo universiteta publ, Rostov-na-Donu. (In Russ.)
2. Balakay, AG 2000, 'Frazelogicheskaya yedinita kak yedinita leksi-ko-frazeologicheskogo gnezda' (Phraseological unit as a unit of lexical and phraseological nest), *Frazeologiya-2000. Frazeologiya na rubezhe vekov: dostizheniya, problemy, perspektivy*, Izd-vo Tul. gos. ped. un-ta im. L.N. Tolstogo publ, Tula, pp. 228–232. (In Russ.)
3. Brodskaya, BA 1972, 'Metaforicheskiye svyazi slov v slovarnom gnezde' (Metaphorical connections of words in a dictionary nest), *Aktual'nyye problemy russkogo slovoobrazovaniya*, 12-15 September 1972, Samarkand, pp. 276–288. (In Russ.)

4. Zimin, VI 1976, 'O motivirovke metaforicheskikh znacheniy slov' (On the motivation of metaphorical meanings of words), *Leksiko-grammaticheskiye zapiski* (Lexico-grammatical notes), Moscow, pp. 12–31. (In Russ.)
5. Zimin, VI 2006, 'Sinkhronicheskiy i diakhronicheskiy aspekty rassmotreniya vnutrenney formy frazeologizmov russkogo yazyka' (Synchronic and diachronic aspects of the consideration of the internal form of phraseological units of the Russian language), *The Problems of Semantics of Spoken Language in its Cultural Context*, 17-19 March 2006, Elpis publ, Moscow, pp. 543-546. (In Russ.)
6. Kozinets, SB 2011, *Slovar' slovoobrazovatel'nykh metafor russkogo yazyka* (Dictionary of word-forming metaphors of the Russian language), Saratovskiy istochnik publ, Saratov. (In Russ.)
7. Lopatin, VV 1975, 'Metaforicheskaya motivatsiya v russkom slovoobrazovanii' (Metaphorical motivation in Russian word formation), *Aktual'nyye problemy russkogo slovoobrazovaniya*, no.1, pp. 53–57. (In Russ.)
8. Nikitevich, VM 1986, *Osnovy nominativnoy derivatsii* (Fundamentals of nominative derivation), Vysshaya shkola publ, Minsk. (In Russ.)
9. Nikitevich, VM 1982, *Slovoobrazovaniye i derivatsionnaya grammatika* (Word formation and derivational grammar), part 2, Grodno. (In Russ.)
10. Ogoltsev, VM 1978, *Modeli komparativnogo slovoobrazovaniya* (Models of comparative word formation), Permskiy un-t publ, Perm. (In Russ.)
11. Ogoltsev, VM 2001, *Slovar' ustoychivyykh sravneniy russkogo yazyka (sinonimo-antonimicheskii)* (Dictionary of fixed similes of the Russian language), Russkiye slovni publ, Moscow. (In Russ.)
12. Ogoltseva, EV 2007, *Obraznyy potentsial slovoobrazovatel'noy sistemy sovremennogo russkogo yazyka: otsubstantivnoye slovoobrazovaniye* (Figurative potential of the word-formation system of the modern Russian language: substantive word formation), doctoral thesis, Moscow. (In Russ.)
13. Ogoltseva, EV 2016, 'Komparativnyye konstruksii s razmer-no-otsenochnym znacheniyem (tolshchinoy s palets, velichinoy s naporstok)' (Comparative constructions with dimensional and evaluative value (finger-thick, thimble-sized)), *Scientific heritage of B.N. Golovin in the light of current problems of modern linguistics» (on the 100th anniversary of the birth of Boris Golovin)*, DEKOM publ, N. Novgorod, pp. 585–591. (In Russ.)
14. Ogoltseva, EV 2015, 'Leksicheskoye var'irovaniye v sisteme ustoychi-vykh sravneniy' (Lexical variation in the structure of stable comparisons), *Uchonyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (66), pp. 162–168. (In Russ.)
15. Ogoltseva, EV 2019, *Obraznoye znacheniyeye v sisteme otsubstantivnoy derivatsii (strukturno-semanticheskiiy aspekt)* (Figurative meaning in the system of substantive derivation (structural and semantic aspect)), FLINTA publ, Moscow. (In Russ.)
16. Ogoltseva EV 2015, 'Fakul'tativnyye komponenty kak proyavleniye strukturno-semanticheskoy dinamiki ustoychivyykh sravneniy' (Facultative components as a manifestation of the structural and semantic dynamics of stable comparisons), *J. Baudouin de Courtenay and Worldwide Linguistics*, vol.1, 12-15 October 2014, Kazan feder.un-t, Kazan, pp. 263-266. (In Russ.)
17. Ogoltseva, EV 2015, 'Formal'no-grammaticheskoye var'irovaniye v sisteme ustoychivyykh sravneniy russkogo yazyka' (Formal-grammatical variation in the system of stable comparisons of the Russian language), *Teoreticheskiye i metodo-logicheskiye problemy filologii*, KazNPU im. Abaya publ, Almaty, pp. 254–262. (In Russ.)
18. *Russkaya grammatika* (Russian grammar) 1980, vol.1, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
19. *Slovar' russkogo yazyka* (Dictionary of the Russian language) 1981–1884, Russkiy yazyk publ, Moscow. (In Russ.)
20. Shirshov, IA 1995, 'Tipy slovoobrazovatel'noy motivirovannosti' (Types of word-formation motivation), *Philological Sciences*, no. 1, pp. 41–54. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 26.08.2023
Одобрена после рецензирования: 19.09.2023
Принята к публикации: 19.09.2023

The article was submitted: 26.08.2023
Approved after reviewing: 19.09.2023
Accepted for publication: 19.09.2023